

ЛЮДМИЛА КИНДЕРСКАЯ

ТАЛАНТЫ И ПРЕСТУПНИКИ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Людмила Киндерская

**Таланты и преступники.
Иронический детектив**

«Издательские решения»

Киндерская Л.

Таланты и преступники. Иронический детектив /
Л. Киндерская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853497-3

Алька Вережкина — менеджер по продаже алкогольной продукции. Она и не ожидает, что вместе с верной подругой Светкой Пустозвоновой сумеет разоблачить опасных преступников, распространяющих фальшивые медикаменты. Нелепым сыщицам-самоучкам предстоят смешные и опасные приключения, а также изменения в карьере и личной жизни. Они на своем примере убедятся, что если есть талант — надо его реализовывать, даже если он такой необычный, как знание вин или умение находить преступников.

ISBN 978-5-44-853497-3

© Киндерская Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Таланты и преступники Иронический детектив

Людмила Киндерская

*Выражаю огромную благодарность моему редактору Татьяне
Бадя за помощь в написании книги*

Редактор Татьяна Бадя

© Людмила Киндерская, 2018

ISBN 978-5-4485-3497-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– И учти, Веревкина, если ты выкинешь какой-нибудь очередной фортель, то вылетишь с работы с волчьим билетом, – маленький, полненький, розовый человечек с венчиком светлых волосиков вокруг солидной плечи аж подпрыгивал от переполнявших его эмоций.

– Да ну вас, в самом деле, что вы разоряетесь? – безразлично пробубнила рослая крепкая девица тридцати двух лет отроду. У нее были округлые мощные плечи, полные руки и высокая грудь. – Куда вы меня уволите-то. Я ведь все равно лучше всех ваш товар впариваю. Скажете тоже – уволю! А чего я не так делаю, так вы и сами не знаете.

Подпрыгивающий человечек схватился за сердце и перешел на фальцет.

– Ты как разговариваешь, Веревкина?! Ты с кем разговариваешь? Что значит «впариваю товар»?! Он что, негодный? Он прекрасный! И ты его про-да-ешь! – по слогам произнес толстячок. – Сбываешь!

Человечек присел на стул, достал из недр кармана носовой платок огромных размеров и стал им обмахиваться.

– Ну, я продаю, сбываю, впариваю, втюхиваю, один черт, – пробормотала девица. – А все равно я делаю это лучше всех. И меня давно в «Альф» звали. Выгоните – я к ним пойду.

Человечек снова схватился за сердце.

Вокруг ссорящейся парочки сновали люди: они выбегали из одного кабинета и сразу ныряли в другой, выкрикивали в мобильный телефон какие-то суммы, номера партий спиртных напитков, а то и просто проносились мимо, с бумагами в руках... Одним словом, суета, суета...

Участниками баталии были: начальник отдела сбыта алкогольной компании «Бахус» Петр Вениаминович Березкин, известный как Веник, и головная боль этой самой компании Алевтина Веревкина, или просто Алька, менеджер по продажам горячительной продукции.

Разборки такого плана происходили между ними каждый день, а посему сотрудники «Бахуса» не обращали никакого внимания на их перепалку.

– Иди в бухгалтерию, получи свои командировочные – и с богом! Завтра в столице куча дел! Куча! – Березкин развел свои короткие ручки широко в стороны, чтобы Алька оценила объем дел, которые предстоит проверить в течение дня. – Иди же! А то конец рабочей смены, командировочные получить не успеешь и завалишь, заперешь, угробишь мне всю работу.

– Да иду-иду. Все спешат, все торопятся. Успею я все, – Алька развернулась и, бубня что-то себе под нос, поплелась в бухгалтерию.

Бухгалтерша Софья Гавриловна Аниськина, увидев Алевтину, всплеснула руками:

– Что у тебя с лицом, Веревкина?!

И сунула ей в руки пудреницу, на крышке которой было небольшое зеркальце. Алька внимательно посмотрела на себя и радостно воскликнула:

– Так это ж огурец!

– Какой такой огурец? – оторопело спросила Аниськина.

– На лице. Вот во всяких журналах, в полезных советах что пишут?

– Что пишут? – переспросила вставшая в ступор бухгалтер.

– А то и пишут, что надо за собой следить. Осталась у вас ложка сметаны – намажьте ее на лицо, осталась клубничка – туда же. И лицу полезно, и добро не пропадает. А у меня с обеда осталось несколько кусочков огурца. Выкидывать, что ли? Я их покрошила – и на лицо. И главное, это совершенно незаметно. Только кожу немножко стянуло и все. А на лбу семечек несколько осталось, я на них и внимания не обратила. Никто кроме вас и не увидел. Я вон с Петром Вениаминовичем полчаса разговаривала, так он вообще ничего не заметил.

– Нет, Веревкина, ты – ходячее недоразумение. Ты просто ошибка природы, казус какой-то, – Софья Гавриловна безнадежно покачала головой.

– Казус Кукоцкого! – воскликнула Алька.

– Что? Какого Кукоцкого? – обреченно спросила Аниськина.

– Так я не знаю. Книжка такая есть у Людмилы Улицкой. Называется «Казус Кукоцкого». Вы сказали, что я – казус, вот и вспомнилось это название.

– Нет, ты невыносима, – поджала губы главный бухгалтер. – Или просто придуриваешься, издеваешься? Но главное, работаешь-то как хорошо! Как так получается-то?! В работе гений, а в жизни... Действительно, просто казус какой-то.

– Вот вам не пофиг, какая я? За собой бы лучше смотрели, – Алька лениво пересчитывала командировочные.

Аниськина аж задохнулась от праведного гнева. Никогда еще она не видела такую особу – безразличную, апатичную, невоспитанную. К тому же никто с ней не допускал непочтительного тона. Правда, муж Софьи Гавриловны частенько употреблял непечатные выражения, но не на работе же хамство слушать. Да еще и от девчонки, которая в два раза моложе.

– Нет. Мне, как ты выразилась, Веревкина, не пофиг! Нашему поколению никогда и ничего не было пофиг! Мы на БАМе были, мы ДнепроГЭС и ТурСиб строили, мы целину осваивали, – глаза у Софьи Гавриловны стали ясными, наполнились гордостью и какой-то одержимостью. Она выпрямила спину, грудь взволнованно вздымалась.

– Это вы, что ли, строили? – вернул ее на землю голос отвратительной Алевтины. – Так шли бы и сейчас страну поднимать. Далась же я вам. Давайте в приказе о командировке распишусь, да пойду.

Но Аниськина не обратила внимания на последние слова этого недоразумения.

– Нет, Веревкина, я тебе докажу, что я не просто так к тебе «вяжусь», как ты изволила выразиться.

Алька закатила глаза.

– Ты только посмотри, как ты выглядишь! Ухо проколото и сверху, и снизу. Туда вставлено по серьге, а между ними зачем-то цепочка висит...

Алька пожалла плечами.

– Спускаемся ниже, – голосом экскурсовода продолжила бухгалтер. – Рубаха навывпуск, джинсы... Ты прости меня, конечно, но они рваные!

Алевтина фыркнула.

– Знаю, знаю, – Аниськина выставила вперед ладони, успокаивая хотевшую ей возразить Альку, – знаю. Это модно. Но не в твоём же возрасте, не с твоей комплекцией и не на работе! А хуже всего – кольца на пальцах ног. Ты что, обезьяна, что ли?

Как будто обезьяны носят кольца на лапах.

– Да ладно вам. Не в твоём возрасте и не на работе, – передразнила Алька бухгалтершу. – На себя-то посмотрите. В свои годы напялили блузку в обтяжку и с вырезом. Зачем? В шестьдесят-то лет.

Аниськиной показалось, что на нее опустили каменную плиту. Она даже пошатнулась под ее тяжестью и прошептала свистящим голосом:

– Мне пятьдесят восемь!

– А, один хрен, – махнула рукой Алька. – Ну что вам всем от меня надо? Договоры я заключаю, продукция у меня идет на улет, денег от моих контрактов больше всех! Так нет, все равно вяжутся и вяжутся! Не пофиг вам всем? Давайте распишусь да пойду.

Бухгалтерша рухнула на стул и молча протянула бумаги, заметив краем глаза, как хихикают, прикрывшись кто чем может, ее подчиненные.

– Свободна, – сквозь зубы прошипела она.

– Я воль, – щелкнула каблуками Алька и неспешно удалилась.

В кабинете, в котором работала Алевтина, было шумно, тесно и накурено. Народ суетился, разговаривал по телефону, пил кофе и безбожно дымил. Алька боком протиснулась к своему месту и плюхнулась на стул.

Ванька Огурцов, менеджер по продаже слабоалкогольной продукции, ссутулившись, сидел перед компьютером.

– Что, опять с Березкиным сцепилась? – спросил он, не отрываясь от монитора.

Алька полезла в тумбочку стола, достала пончик и впилась в него зубами.

– И с ним, и с Софкой тоже, – сказала Аля с набитым ртом.

Когда лучший продавец «Бахуса» нервничала, у нее просыпался прямо зверский аппетит. И на такой случай у нее везде были припрятаны шоколадки, булочки, печенье... и прочие вкусности.

– А Соньке-то что надо? – Ванька передернул плечами. – Надоели эти старперы, не дают нормально работать. Вот мне, например, велено срочно сделать динамику продаж пива за последний год. Да в графиках, диаграммах.

Он смачно выругался и краем глаза посмотрел на Алевтину, ища поддержки.

– Как будто у меня дел больше нет, как картинки им рисовать. Ты представляешь, какая это работа? Это же неделю будешь сидеть и по чекам выбирать, сколько бутылок, да в какие дни больше, а в какие меньше продали.

– Неужели нельзя в бухгалтерии просто выручку по продаже пива посмотреть?

– Точно, – Ванька глянул на Алевтину с восхищением. – Я бы сам ни в жисть не догадался. Пойду к Венику и скажу, как будто это я самостоятельно дотумкал. Ты не против? Или не говорить, а просто завтра раз – и принести ему выполненное задание? Вот он удивится. Думаю – похвалит.

– Да мне пофиг. Говори, не говори... Меня Веник в столицу завтра посылает. Говорит, что там «куча дел», – Алька растянула руки в стороны, передразнивая Петра Вениаминовича.

– Да, ездят они на тебе, а ты позволяешь, – сказал Огурцов с досадой. – На тебе весь план держится. Ты ж так товар втюхиваешь! А теперь еще и в командировку сплавляют в такую жару.

– Ой, Вань, не прибедряйся. Сам-то второй по объему продаж, да еще и графики всякие рисуешь. Я бы вот не смогла!

Иван подошел к Але и смущенно подергал ее за рукав майки.

– Может, смогаемся на озеро? А, Рёва?

Алевтину звали Рёвой всю ее сознательную жизнь. В школе, когда одноклассники щедро раздавали друг другу клички, Алькина фамилия была препарирована на составные части. И из Веревкиной она превратилась в Рёву.

На работе менеджеры были молодыми, смешливыми и острыми на язык. Полненькая Алевтина, неуклюжая и вечно жующая, была прекрасным объектом для того, чтобы поупражняться в остроумии. Как ее только не называли: и Тушка, и Вервь, и даже Зёма (за любовь Альки к творчеству Земфиры).

Она не обижалась и откликалась на любое придуманное для нее прозвище. Поэтому подшучивать стало неинтересно. А когда в «Бахус» зашел ее бывший одноклассник с криками: «Привет, Рёва», то эта кличка приклеилась к ней намертво.

– Какое озеро, Ванька? Я же говорю – дел куча! – отмахнулась от коллеги Алевтина.

– А я что? Я ж ничего, – расстроено проговорил Иван, плюхнулся на стул и снова уставился в монитор.

Алевтина положила командировочное удостоверение в прозрачный конверт, туда же отправился и договор. Его предстояло подписать с покупателем, пожелавшим, чтобы его менеджером была именно Веревкина.

Будучи несобранной и рассеянной в быту, на службе она была на удивление аккуратной. Все документы были разложены по папочкам, у каждой из которых было свое место, а в ящиках стола документы лежали такими ровными стопками, словно их хозяйка была занята исключительно выкладыванием бумажек.

И только на верхней полке творилось черт знает что, потому что ее содержимое относилось к другой, нерабочей, жизни. Чего там только не было: салфетки, жвачки, одноразовые стаканчики, сахар, сухарики, пакетики с кофе и множество других важных для нее вещей. Аля вытерла с лица огуречную маску. Положила документы в сумку, немного подумала и кинула следом помаду ядовито-морковного цвета, купленную по случаю на распродаже – все-таки завтра в столицу!

Повесила по-почтальонски сумку через плечо и отправилась домой.

Глава 2

Солнце жарило всюду, асфальт плавился под его немилосердными лучами и так и норовил прилипнуть к подошвам обезумевших от жары прохожих. Аля вышла на перрон, купила две бутылки минералки, тут же откупорила одну и вылила на себя без остатка. Легче все равно не стало, только майка намочила на животе, подчеркнув лишние килограммы.

На привокзальной площади маялся потный человечек, похожий на Березкина, словно брат-близнец. В поднятых руках он держал листок бумаги, на котором было криво начарапано «Сатори» – название фирмы, заключать договор с которой Алевтина и приехала.

Она замахала руками, человечек кинул лист в мусорный контейнер и поспешил ей навстречу.

– Очень рад, – сказал он, трясая Алькину руку и косясь на ее живот, – Вениамин Петрович Подберезкин.

– Алевтина Веревкина, – важно сказала Аля и озадаченно спросила:

– А мой шеф не брат вам случайно?

– А кто ваш шеф, милая девушка? – поинтересовался Вениамин Петрович, подталкивая ее к машине.

– Шеф у меня Петр Вениаминович Березкин.

– Ну и почему вы решили, что мы родственники? У нас же абсолютно разные фамилии.

– Да я и сама не знаю, – протянула Аля, – Березкин, Подберезкин... Звучит похоже.

– А если у меня на работе есть Шнурова или, например, Подверевкина, то она тоже должна быть вашей родственницей, что ли?

– Ну, нет, конечно. И все равно странно: Березкин, Подберезкин...

– Тьфу, – в сердцах сплюнул Вениамин Петрович. – Если вы еще несколько раз это повторите, я и сам поверю в странность такого совпадения.

Они подошли к небольшому автомобильчику глубокого синего цвета. Лобовое стекло было закрыто отражателем, который должен был защитить салон от палящего солнца, но не очень хорошо справлялся со своей задачей.

Нутро автомобиля пыхнуло жаром. Дерматиновые сиденья издавали синтетический запах. Толстяк плюхнулся на шоферское место и застонал, обмахиваясь картой столицы.

Аля уселась рядом, почувствовав, что если Подберезкин не включит кондиционер, то она немедленно потеряет сознание. Вениамин Петрович завел машину и, быстро работая кистями рук, опустил окна. «Кондишки нет, – с тоской поняла Аля, – остается надеяться, что ехать недолго».

И правда, минут через десять автомобиль притормозил у двухэтажного здания. Оно было лаконичным, без колонн, эркеров и прочих изысков. Но именно сдержанность декора и симметрия придавали дому класс.

Вдоль дорожки палисадника был разбит цветник. Несмотря на то, что солнце палило немилосердно, травка была темно-зеленого цвета, что на фоне жухлой листвы растущей неподалеку липы смотрелось неправдоподобно.

Проход к этому чуду ландшафтного дизайна был закрыт шлагбаумом, около которого стояла будка с охранником.

Поняв, что они добрались до пункта назначения, Аля неуклюже выбралась из душного машинного салона, отыскала в недрах сумки бутылку воды и стала пить большими торопливыми глотками.

Глава 3

Степан Аркадьевич Остапов, владелец фирмы «Сатори» ценитель хайку, поэта танка Сайге, творений писателя Кобо Абэ и кинорежиссера Такеши Китано, потянулся в кресле, хрустнув пальцами рук. Прошелся по кабинету, заложив руки за спину, и решительно подошел к столику со спиртными напитками. Плеснул в пузатый бокал янтарного коньяка, достал из портсигара коричневую сигарету, зажал ее в красивых длинных пальцах и затянулся дымом. Было прохладно. Бесшумно работал кондиционер, создавая максимальный комфорт хозяину кабинета.

Остапов подошел к окну. По улице сновали утомленные солнцем люди. Они были злые, раздражительные, потные и неэстетичные. Собаки, высунув языки и тяжело дыша, лежали в наиболее затененных местах.

Степан Аркадьевич смотрел на изнывающую от зноя природу и ждал Подберезкина. Его роль в компании была как у Шурочки из «Служебного романа» – та числилась в бухгалтерии, в то время как ее настоящая жизнь проходила в месткоме. Так и Вениамин Петрович. Никто уже и не помнил, в каком отделе он числился. Он всегда был на подхвате, при любом задании шефа брал под козырек. И как-то так случилось, что он умудрился стать для Остапова совершенно незаменимым. Его место в иерархии компании можно было бы назвать словом «порученец».

Подъехала машина Подберезкина. Она долго тыкалась по площадке, пытаясь найти место для парковки и, наконец, остановилась. Из машины вылезли Вениамин Петрович и какая-то толстая несуразная девица.

Девица одернула майку на животе, выудила из машины сумку, покопалась в ней, достала оттуда бутылку воды и припала к ней жадным ртом. Попив, она вытерла горлышко бутылки ладонью и протянула ее Подберезкину.

Остапов ухмыльнулся, глядя, как тот пытается оттолкнуть ее руку. Но девица была настойчива, и после некоторого препирательства Подберезкин уже лил воду из бутылки себе на затылок.

Коньяк скользнул в желудок, распуская по телу блаженное тепло и делая его восхитительно легким. На столе засигналила красная лампочка селекторной связи, и едва Остапов снял трубку, как из нее полился серебристый голосок его секретарши Маргариты Чушкиной. Она была картинно хороша: светлые волосы, вздернутый носик, маленький упрямый подбородок с ямочкой. Рот был, правда, несколько великоват. Слава богу, что сегодня это считалось модным, а вот в школе она, наверное, пролила немало слез из-за насмешек одноклассников. Весь облик секретарши как нельзя лучше соответствовал и компании «Сатори», и ее основателю Остапову. Жаль только, что он сам об этом не догадывался.

– Степан Аркадьевич, к вам Подберезкин.

Вениамин Петрович ввалился в кабинет красный, как рак, тяжело дыша и отдуваясь. Он тащил за собой ту самую девицу, с которой они вместе приехали на машине.

– Познакомьтесь, Степан Аркадьевич. Вот это Алевтина Веревкина, тот самый хваленый менеджер. «Хваленый менеджер» был круглолиц и румян. Пепельный оттенок темно-русых волос придавал им тот цвет, что принято называть мышинным. Все черты ее лица были словно вытесаны из грубого камня, вытесаны, но не отшлифованы. И только серые глаза были чудо как хороши.

Брови Остапова удивленно взметнулись вверх.

– Да, да, и не сомневайтесь: она гениальна, абсолютно гениальна.

«Напыщенный индюк, – неожиданно для себя со злостью подумала Алька об Остапове. – Надо же, как хорошо устроился. Везде жарень, все осатанели от духоты, а этот пижон сидит в прохладном кабинете в костюме и галстуке. Пьет коньяк и насмешливо гнет бровь, как будто я не могу быть гениальным менеджером! А я могу, и он в этом убедится сам».

– И почему же звезды такого уровня работают не у нас в столице? А в заштатном городке, находящимся пусть и рядом с сердцем нашей родины, но все же в провинции? – спросил индюк насмешливо.

– Живут они там, – угрюмо буркнула Аля и внезапно застеснялась своих мокрых подмышек, прилипших к голове волос и пыльных ног.

«Надо было губы накрасить», – запоздало раскаялась она, втягивая живот.

Остапов повернулся к Подберезкину:

– Ну тогда, Петрович, отведи человека в нашу гостиничку, пусть примет душ, отдохнет немного с дороги. А через два часа мы будем проверять звезду менеджмента, сможет ли она убедить нас подписать контракт на покупку алкогольной продукции с фирмой «Бахус» из славного города Толчино.

Алька глянула на Степана исподлобья, вздохнула и отправилась следом за Подберезкиным.

Квартира, в которую ее привели, и которую Остапов назвал «гостиничкой», находилась в том же здании, что и фирма «Сатори». Здесь были две комнаты, кухня и прочие удобства. Работал кондиционер, в холодильнике стоял холодный «Нарзан», а в душевой висел красивый пушистый белый халат.

Попрощавшись с Подберезкиным, Алька сбросила одежду на пол и босыми ногами прошлепала в душ. Мылась она долго и с наслаждением. Потом вывалила из сумки на кровать наряды и задумчиво застыла над ними. Вещи, кинутые на пол в ванной комнате, надеть было невозможно. Они были потные и противные, и в них никак нельзя было предстать перед пижонистым Остаповым.

Девушка извлекла из груди, валяющейся на кровати, ситцевый сарафан и приложила его к себе. Сарафан был мятым, но в остальном Алевтина осталась довольной. Прогладив его утюгом, который предусмотрительно был оставлен горничной на гладильной доске, Аля нарядилась, высушила волосы феном, повозила оранжевой помадой по губам и с восторгом уставилась на себя в зеркало.

Вот пусть теперь этот франт попробует погнуть бровь, глядя на нее!

Надев на пальцы ног кольца, она отправилась на кухню. Сделала себе огромную чашку кофе, о котором из-за жары еще несколько минут назад невозможно было думать без содрогания. И, развалившись в кресле, стала уминать найденную пачку крекеров. Затем достала из сумки недавно купленную книгу о винах и принялась листать ее, думая о своем.

Аля не очень понимала, какие напитки нужны «Сатори». Ведь эта фирма не была алкогольной компанией – она много чем занималась, но только не продажей спиртного.

«Может, они только планируют торговать алкогольной продукцией и хотят проконсультироваться по поводу подбора ассортимента? Но почему они не нашли поставщика в Москве, а обратились в наш городок и именно ко мне? Неужели в столице нет надежных компаний, занимающихся поставками алкоголя? – ломала голову Алевтина. – Зачем мне надо было переться сюда, а им тратиться на то, чтобы меня встречать и селить в гостиницу?»

Алька решила отложить чтение, все равно она постоянно отвлекалась на свои мысли и совершенно не могла сосредоточиться.

«Да вот мне не пофиг, почему», – поставила она точку в размышлениях и решила позвонить Свете Пустозвоновой, единственной из подруг детства, с которой она продолжала общаться.

– Привет, Рёва! – закричала Света в трубку. – Как дела? Ты сейчас где? Может, соберешься, наконец, в Москву? Ты не зачахла еще в своем Мухосранске? Замуж не вышла? Кстати, ты не похудела? Я такую диету знаю – закачаешься!

Поскольку между вопросами Света не делала пауз, Алька и не собиралась ей отвечать. Прижав трубку к уху плечом, она заталкивала назад в сумку валяющиеся на кровати вещи.

Затем, перехватив инициативу в тот момент, когда Светка вздохнула, чтобы набрать в грудь воздуха, Аля быстро, совершенно в несвойственной ей манере затараторила:

– Сбавь обороты, Свет! Я в Москве, давай встретимся, а то денежки тикают, а тебе бы только трещать.

Подруги договорились встретиться завтра в обед, чтобы хватило времени поболтать до Алиного отъезда, и закончили разговор.

В этот момент в дверь постучали. Не дождавшись ответа, в номер суетливо вбежал Подберезкин. Он плюхнулся в кресло и, едва отдышавшись, потребовал воды.

– Вы что, по улице бегали? Здесь же не жарко, кондиционеры везде. Живут же люди, – мечтательно проговорила Алевтина, представив, как было бы хорошо, если бы в ее рабочем кабинете тоже установили такое чудо техники.

– По улице бегал, совершенно верно, а там жара, а я же в костюме...

– Так сняли бы костюм – напялили бы шорты, майку такую, с открытыми плечами, «американская спинка» называется. На ноги сандалии – сразу бы стало легче. А то в вашем возрасте так можно и концы отдать, – сочувственно пробормотала Аля.

Подберезкина просто катапультировало с кресла:

– Что значит, «в вашем возрасте»? Ты что себе позволяешь?

– Так, небось, не мальчик, – Алька с тоской посмотрела в окно, предвидя долгие разборки.

– А что в твоём понятии «мальчик»? – не унимался Подберезкин. – Это сколько лет? Пятнадцать? Шестнадцать? Если так, то я, конечно, не мальчик. Но мне нет и сорока, понимаешь?

– А я думала, что вам под шестьдесят, – обрадовалась Вережкина. – Ну, если под сорок, то тогда еще ничего, может, и выживете.

– Ты что, белены объелась?! – еще больше разошелся Вениамин Петрович. – Какие под шестьдесят? Да у меня жена молодая! Да она знаешь какая! Да она так выглядит! Не то, что ты, рохла безвкусная.

– Да ладно, успокойтесь, – казалось, Алька совершенно не обиделась. – Что вы кричите-то? Как будто и не уезжала из своего города, там тоже вечно орут. Разве я чего такого сказала? Жена молодая, так тем более, оделись бы помолодежнее...

– Это как ты, что ли? – с ехидцей спросил Петрович. – С кольцами в носу?

– Вот достача, – буркнула раздраженно Алевтина, – дались вам мои кольца! Я шорты и майку имела в виду.

– Ах, «американскую спинку»! А дресс-код? Тебе знакомо такое понятие? Судя по твоему безумному сарафанчику, нет. Я так понимаю, что ты в нем собираешься на встречу к Остапову?

Вережкина почувствовала, как начинает звереть.

– Вот я сейчас уеду назад в Толчино, и к Остапову пойдете вы с вашей молодой женой!

Подберезкин сразу сбавил обороты и уже почти миролюбиво сказал:

– Ну все, мир. Пошли к Степану Аркадьевичу, а то он уже ждет.

Степан Аркадьевич листал каталоги алкогольной продукции, предоставленные «гениальным менеджером» и никак не мог понять, что же ему нужно. Таких вин было полно в любых

магазинах. Зачем тогда ему рекомендовали эту безумную толстую девицу в жутком сарафане? Но недоумевал он недолго, пока та не открыла рот.

– Вы бы мне объяснили, какая продукция вам нужна, в каких объемах и для каких целей, а то я никак не могу в толк взять.

– Да я и сам, честно говоря, не очень могу взять в толк. У меня есть одно небольшое хобби, – сказал он, слегка грустя и достал очередную сигарету. Прикурил от стоящей на столе зажигалки и выпустил дым через нос.

«Кажется, на языке невербального общения это означает превосходство над присутствующими», – вспомнила Аля.

– Я являюсь учредителем одного частного клуба. Закрытого клуба. И готовлю небольшой сюрприз. Хочу раз в месяц наполнять подвалы этого заведения хорошими алкогольными напитками. Я по адресу обратился? – Остапов вновь приподнял бровь.

Из-за этой привычки у него на лбу образовалась глубокая морщина. Которая, как ни странно, делала его еще привлекательней.

Когда он так делал брови, Алке становилось очень неудобно. Хотелось стать стройной, с длинными волосами и, чем черт не шутит, снять с пальцев ног кольца и надеть каблук. Это было совершенно непривычное чувство, и оно ей не нравилось.

– По адресу, по адресу, – нахмурившись, пробормотала она, чтобы скрыть смущение. – Давайте тогда и начнем. Итак, рекомендуемые вина. Записывайте, а то будете потом переспрашивать.

Алевтина глубоко вздохнула, начала говорить и... преобразилась.

– Начнем со светлых вин. Поговорим о токайских. Да не тех, что стоят на полках по шестьдесят рублей бутылка, а о настоящих токайских винах. Вот, например, «Шато Хенье Токай», его производят из винограда сортов Фурминт и Харшлелеву, пораженных благородной плесенью *botrytis*. Ягоды сначала превращают в изюм, а потом не менее трех лет молодой токай проводит в дубовых бочках. Это изысканное вино искристого золотого цвета с достаточно сложным букетом ароматов с нотками меда, кураги, засахаренных фруктов, акации. Оно полнотело, маслянисто и отличается долгим изысканным послевкусием. Если вас интересуют гастрономические сочетания, то оно великолепно сочетается с фуа-гра, фруктовыми десертами, сладкими блинчиками, мягкими сливочными сырами, голубыми сырами.

Аля перевела дух, а Остапов почувствовал, как его рот наполняется слюной.

«Не такая уж она и толстая», – неожиданно подумал он.

– А вот Токай Харшлелеву отличается от предыдущего вина тем, что у него процесс ферментации протекает в чанах из нержавеющей стали и только последующая выдержка происходит в бочках из французского дуба. Это вино светло-соломенного цвета и очаровывает нас нежным букетом ароматов с нотками цитрусовых и все той же акации, отличается превосходно сбалансированным вкусом свежих персиков, крыжовника. Оно великолепно в качестве аперитива, а так же послужит хорошим дополнением к блюдам из рыбы под соусом, к голубым сырам, шоколадным десертам.

– Насчет токайских вин понятно, – Остапов вновь сглотнул слюну. – Кстати, не желаете выпить?

Он по-хозяйски подошел к барному столику.

– Что вы?! Я же на работе. Кстати, и вам бы не советовала, – сказала Алевтина строгим голосом. – Вы же не сможете сосредоточиться на вкусовых качествах вин, про которые я рассказываю, так как во рту будет другой букет. Хотя... что вы пьете?

И она, словно заправский алкоголик стала рассматривать бутылки, зачем-то вытаскивать из них пробки, нюхать их, рассматривать, смочены ли они вином... одним словом – суетиться.

Степан налил себе в фужер красного сухого вина.

– О, Шато Фелан Сегюр, Франция, 2001 год! Замечательно, прекрасный выбор. Оно обладает абсолютно шелковым вкусом.

Аля забрала из рук Степана фужер и понюхала вино, предварительно выдохнув. Затем она покрутила бокал, держа его за ножку, опустила в фужер нос и снова вдохнула аромат.

Степан как завороченный наблюдал за ее манипуляциями. Аля тем временем набрала немного вина в рот, пожевала его, покрутила жидкость во рту. В довершении, не разжимая зубов, слегка приоткрыла губы и втянула немного воздуха. Потом начала оглядываться, махать руками, показывать на рот, на мусорник, на тарелки, заметалась, и... проглотила вино.

Остапов хмыкнул и налил себе в другой фужер.

– Вы что же не понимаете – мне нужна была плевательница, чтобы вылить вино! – возмутилась Алевтина.

Степан отхлебнул напиток и качнул головой:

– Ну, чудачка, предлагает алкоголь, а сама не пьет. Мол, пейте сами свою гадость.

– Да вы что? Просто я дегустировала, а по правилам дегустации спиртное надо было выплюнуть.

– Но выпить же лучше, – улыбнулся Остапов.

– Лучше, – согласилась Аля. – Только нельзя. Представляете, как можно наклюкаться, не говоря уже о том, что это непрофессионально.

– Да бросьте вы, выпейте немного, сами же сказали, что выпить лучше.

«А он не такой уж и противный», – подумала Аля и глотнула вина.

Через час, когда они заканчивали вторую бутылку, Остапов знал об Алевтине все. А девушка не могла понять, что с ней происходит. Чего ради она выбалтывает ему свои маленькие секреты, например, о своем желании стать сомелье. Ну, или дегустатором, на худой конец. И почему она пьет? Она ведь на работе, а дядек видела и покруче этого. Что ж это ее так разоблало?! В конце концов, Алька решила расслабиться и ни о чем не думать.

Степан откровенно веселился, выпивая с нелепой Веревкиной. Всю его скуку как рукой сняло. Он хохотал, закинув голову, веселился, как мальчишка, разглядывал кольца на ногах, которые ему доверчиво показывала Алевтина, и со вкусом пил вино.

Через пару часов в кабинет с каменным лицом вошла Марго. Она, как практически все секретарши на свете, была тайно влюблена в своего босса. Выносить его постоянные увлечения молодыми породистыми красотками – это еще куда ни шло... Но терпеть его веселье с этой жуткой бегемотихой в рабочее время она не собиралась.

– Степан Аркадьевич, – еле сдерживая слезы, пролепетала Маргарита, – будут какие-нибудь распоряжения?

Мерзопакостная девица уставилась на нее пьяными глазами, повернулась всем корпусом к Остапову и спросила заплетающимся языком:

– Будешь раз... распоряжаться?

Он снова, уже в который раз за день, залиvisto рассмеялся. А как он был хорош, когда смеялся! Вообще-то он всегда был хорош, но в минуты редкого веселья особенно. Он тогда запрокидывал голову и хохотал, обнажая крепкие ровные зубы. Шея, наконец, обретала свободу от жесткого воротника безупречных рубашек, и с бесстыдством выставляла напоказ чуть выступающий кадык и ложбинку под ним. В этот момент он казался своим, родным, доступным. Потом смех заканчивался, шея закрывалась, и наваждение отступало.

– Нет, Марго, ничего не надо. Мы сейчас собираемся и уходим. Так что можешь быть свободна, офис я сам закрою.

«Это уж дудки, – подумала Чушкина, вытирая злые слезы, – никуда я не пойду. Я должна знать, чем у них все закончится».

Маргарита резко повернулась на каблуках и вышла. Степан удивленно приподнял бровь.

– Ну что, по домам? – спросил он задремавшую было Альку.

Та встрепенулась и стала внимательно и непонимающе рассматривать Остапова. Потом узнала его и страшно обрадовалась.

– Все-таки как хорошо, что вы не такой надутый индюк, каким были утром. Видите, выпили – и на человека стали похожи. А я тебе... вам еще столько о винах не рассказала, о шампанском...

– Пошли, пошли, завтра договорим. Нам и контракт подписывать завтра, и еще кое-какие дела обсудить надо.

Алевтина с трудом поднялась из глубокого кресла и послушно побрела за Степаном.

В приемной сидела Марго и нервно складывала в стопку бумаги.

– До свидания, – улыбнулся Остапов.

Чушкина напряженно кивнула. Степан взял Веревкину под локоть, и они вышли из кабинета.

Марго кинулась следом, забыв о непреложном правиле «закончил работу – поставь дверь на сигнализацию». Не до этого было. Она самым пошлым образом бросилась следить за парочкой. Шеф довел пьяную мерзавку до гостиничного номера, который находился на верхнем этаже здания, манерно поцеловал той руку и удалился. Увидев, что шеф возвращается в офис, Чушкина рванула назад и сайгаком понеслась на свое рабочее место.

Алька ввалилась в номер совершенно не готовой к отдыху. Хотелось продолжения банкета. Остапов ушел, Марго странная какая-то, Подберезкина не было видно с обеда, а больше она никого в «Сатори» не знала. Оставалось одно – ехать к Свете Пустозвоновой.

Веревкина окинула себя в зеркале долгим и внимательным взглядом. Очень хотелось накрасить губы, Москва все-таки! Но непонятно было, куда задевалась помада, а разыскивать ее не было сил. Вздохнув, она взяла сумку и отправилась к электричке, чтобы ехать к Светке. Благо, «Сатори» находилась недалеко от станции пригородных поездов.

Глава 4

С подозрением поглядывая на нависшую над ним пьяную толстую девицу, мужчина попытался сосредоточиться, глядя в газету «Спорт-экспресс». Его очень интересовало, как объяснит Леонид Слуцкий причину провала сборной на чемпионате Европы. Об этом в газете была пространная статья, прочитать которую у него не было никакой возможности. Из-за этой пьянчужки. Она стояла около его места и назойливо мешала: пыталась ему что-то рассказывать, заглядывать в газету и, в довершение ко всему, начала громко икать. Выдержать такое было свыше сил, и он встал, уступив ей место. Девица сразу же плюхнулась на освободившееся сиденье и стала приставать с разговорами к человеку, сидящему у окна.

– Вы знаете, какое вино мы пили с моим... – она пожевала губами, будто пробуя слово на вкус, – бойфрендом?!

Девушка стыдливо захихикала.

– Правда, он еще не знает, что он мой бойфренд. Вы ему тоже не говорите. Так вот, мы пили розовое Беринджер Зинфандель Розе. Оно нежное, дружелюбное и румяное! А вкус..

Она попыталась откинуть голову назад, но быстро вернула ее в исходное положение.

– Там ваниль, малина, слива. А еще мы пили херес. Знаете, что такое херес? – она медленно повернула голову, окидывая внимательным взглядом пассажиров. – Это крепленое испанское вино, такой дамский коньяк с привкусом подвяленного винограда, миндаля и грецких орехов. А еще мы пили...

Но узнать, что они пили еще, не представилось возможным, ибо девица замолчала и, наклонившись вперед, стала что-то высматривать в окне. На улице смеркалось, и в вагоне зажегся свет. Народ, замученный небывалой жарой и духотой, маялся, с ненавистью поглядывая на болтушку. Пауза в ее монологе была встречена с облегчением. Вдруг пьянчужка расхохоталась, глядя в окно, затем показала своему отражению язык, кукиш, подмигнула ему и, откинувшись на сиденье, захрапела.

Народ загомонил.

– Вот ведь, молодежь пошла, ни стыда, ни совести. Зенки зальют, и трава не расти. Ну ладно бы мужик был, им на роду написано ханку жрать, а то баба, да еще и молодая, – заговорила тетка в стоптанных сандалиях, надетых на коричневые хлопчатобумажные носки.

– И не говорите, а про вино-то как рассказывала, как про ребенка. Видать алкоголичка, даром, что не старая.

– Да им-то сейчас что? В наше время такого не было, тогда ее быстро бы в вытрезвитель замели. А теперь? Олигархи проклятые травят их наркотиками, да пойлом дешевым. Слышали, чего говорила-то? И малина там, и слива, и виноград гнилой.

– Да не гнилой, а подвяленный, – вмешался в разговор мужчина со «Спорт-экспрессом» в руках.

– А вы, мужчина, лучше бы вообще молчали! Смотри, за своих, за алкашей, заступается, – не унималась бабка в носках. – Что и говорить, рыбак рыбака видит издалека.

– Да ты что, старая, офонарела?! – мужчина перешел на фальцет. – На себя посмотри, чмо.

Бабка закричала, народ радостно заржал, мужчина вскочил и направился к выходу. А виновница возникшего переполоха Алевтина (а это была она) преспокойно спала и видела волнующие сны. Объектом ее снов был не кто иной, как Степан Аркадьевич Остапов собственной персоной. Он целовал Альке ручки, она жеманно смеялась и предлагала ему зайти к ней в номер «на чашечку кофе».

Остапов смушался, краснел и уверял Вережкину, что «он не такой», но все же зашел. Алька принялась метаться и говорить, чтобы Степан ее не трогал, потому что она не готова.

В это время к ним заглянули невесть откуда взявшиеся Березкин и Марго. Алька рухнула перед ними на колени, сложив молитвенно руки, и в отчаянии приговаривала: «Не виноватая я!».

Березкин вдруг стал множиться и кричать на нее: «Еще раз выкинешь подобный фортель, и я тебя уволю!». Алька попыталась что-то сказать, но ее никто не стал слушать. Размножившиеся Березкины бегали вокруг нее хороводом и кричали: «Уволим, уволим!».

И тут Алевтина проснулась. В вагоне было темно и пусто. То есть совсем пусто – ни души. Электричка стояла, и, похоже, уже давно. Аля пару минут посидела, с трудом соображая, где находится. И вспомнила, как с Остаповым пила вино, как, по всей вероятности, напилась, а потом поехала к Пустозвоновой за продолжением банкета. На душе стало мерзко и тревожно.

Алька нащупала свою сумку и только решила выбираться на волю, уже взялась за ручку двери, как с той стороны услышала леденящий душу стон. Она приросла к полу. Немного постояла, прислушиваясь.

«Показалось, – решила она. – Пить надо меньше».

В эту же секунду стон повторился, следом раздался приглушенные голоса:

– Говорил я тебе, что он гнилой. Говорил. Ну так ты же у нас самый умный! Распространителя он подогнал, называется. И куда теперь твоего распространителя девать, а?

– Да выбросим его с поезда, всего-то и делов, – виновато пробубнил второй голос.

Снова раздался надрывный звук, от которого у Альки пробежал мороз по коже.

– Отпустите меня, ребята, – тихо прошелестело откуда-то снизу. – Я никому ничего не скажу.

– Замолчи, скотина. Раньше надо было думать, – раздался звуки удара, сдавленные мольбы, снова удары.

Альку накрыла волна паники: она метнулась к окну, стала лихорадочно дергать раму, но та не поддавалась, тогда она ринулась ко второму спасительному выходу. Но не успела. Грохнула дверь вагона, и голоса зазвучали громче, совсем рядом.

Недолго думая, она нырнула под сиденье и попыталась сжаться в комок. Тело было великовато для того, чтобы полностью укрыться под скамейкой, и Алька в который раз за сегодня пожалела о том, что она толстая.

– Что, готов? – по-деловому спросил тот человек, который вычитывал своего подельника за «подогнанного» ненадежного распространителя.

Тот по-бабьи охнул:

– Готов! Мертвее не бывает. Нужно побыстрее от него избавиться. А то застукают, сейчас обход будет.

– Да не ной. Выкидываем его и смываемся, – вступил в разговор третий. Голос был высокий, визгливый. Несмотря на бравурный, нарочито грубый тон, Але показалось, что человек напуган.

Она представила себе здоровых мужиков с бритыми затылками и ручищами, похожими на кувалды. Правда, тот с тонким голосом никак не мог соответствовать нарисованному ею образу. «Скорее всего, он толстый и рыхлый. Небось, пиво пьет, и от избытка женских гормонов так визжит», – подумалось ей.

Алька от ужаса, казалось, перестала дышать, ей хотелось закрыть рот ладонью, чтобы случайно не вскрикнуть. Но руки были заняты – прижимали к себе сумку, а значит, рта ими не закроешь – страшно пошевелиться. Поэтому она еще крепче прижала к себе ридикюль и зажмурилась.

– Да как ты выкинешь его? Здесь? В депо? Менты быстро просекут, что к чему. Как пить дать. А все из-за твоей жадности: как же, за каждого привлеченного распространителя процент идет!

– Да ладно вам, завязывайте базар, потом будем разбираться, кто виноват. От трупа надо избавляться.

Где-то рядом послышался звук открываемой двери, негромкая ругань, затем возня, как будто что-то вытаскивали из узкого помещения. Потом звуки, как при переезде, когда из квартиры выносят мебель, а она не пролезает в дверь. Именно тогда так мелко и часто шаркают по полу. Алька представила, что именно могут вытаскивать... Значит, совсем рядом с ней, не дальше десяти метров, преступники волочат труп.

Она впала в состояние анабиоза, не могла шевельнуться, не смела даже попытаться под шумок потихоньку вылезти из-под скамьи, а могла только слабо дышать. По звукам возни она поняла, что тело вытащили в тамбур, и теперь пытаются спустить его из вагона на улицу. Через некоторое время преступники вернулись туда, откуда выносили тело несчастного.

– Давай коробки и побыстрее, пока обхода нет, – произнес высоким голосом тот человек, который, как поняла Алевтина, привел жертву в качестве какого-то распространителя.

Судя по звуку, преступники стали выгружать эти самые коробки и выносить их на улицу. Вдруг одна из упаковок порвалась, и по всему вагону покатались какие-то баночки. Одна из них докатилась до Веревкиной, та машинально ее схватила и прижала к груди.

Послышалась ругань, и человек, порвавший коробку, стал ползать и, чертыхаясь, собирать рассыпавшиеся вещи. Бездействовать и дальше было чревато очень серьезными последствиями: скорее всего, Альку убьют, и это будет еще лучший вариант. А вдруг ее будут пытаться, подозревая в принадлежности к спецслужбам, надеясь выведать, что она знает об их преступной группировке?!

Когда человек, безбожно матерясь, в полуприседе добрался до нее и стал шарить рукой под сиденьем в поисках закатившейся банки, Алька, сгруппировавшись, быстро вынырнула из своего укрытия, как черт из табакерки. Мужчина вскочил, уставился на нее и завизжал. Тонко так завизжал, пронзительно. Аля от неожиданности закричала тоже, но у нее из груди вырвался бас такой силы, что самой стало страшно. Покричав еще некоторое время в унисон с визгливым мужиком, Аля рванула из вагона во вторую дверь. Через несколько секунд, опраившись от неожиданности, за ней кинулись бандиты.

Спрыгнув на землю, Алевтина понеслась, не разбирая дороги. Одной рукой она по-прежнему прижимала к себе сумку, а во второй держала пузырек, потерянный преступниками. При чем она вытянула руку с банкой вперед, и со стороны была похожа на бегуна, который вот-вот должен передать эстафетную палочку партнеру по команде.

Ужас придал ей такую скорость, что преследователи очень скоро остались далеко позади. А она все бежала и бежала. Пока не выдохлась. Пока не свело правый бок. Пока сердце не оказалось в горле. Тогда она рухнула на землю и попыталась отдышаться. Через некоторое время разрывающиеся легкие перестали гореть, сердце вернулось на место, и только бок продолжал покалывать.

Веревкина поднялась на ноги и попыталась понять, где находится. Вокруг был редкий лесочек, скорее даже небольшая рощица. Тучи, висевшие над городом и обещавшие долгожданный дождь, разошлись, так и не разродившись влагой. Стало не так темно, и опять усилилась духота. Аля положила в сумку найденную в поезде баночку, повесила, наконец, сумку на плечо, и наугад заковыляла в сторону просвета между деревьями.

Через некоторое время она вышла на дорогу, назвала притормозившему около нее частнику адрес Пустозвоновой, рухнула на заднее сидение и провалилась в сон.

Глава 5

Остапов подъехал к офису, припарковал автомобиль и достал из бардачка тряпку. Обошел машину, придирчиво осматривая и протирая те места, которые казались ему недопустимо пыльными. Изучил машину еще раз и остался недоволен. Ее необходимо было помыть, чтобы она засверкала на солнце, да и натереть воском не мешало бы.

Через двор в сторону офиса пробирался, постоянно оглядываясь по сторонам, странный человек. Странен он был, в первую очередь, своим одеянием. На нем были черные мужские костюмные брюки, которые были ему коротковаты и узковаты, и черный свитер (в такую жару-то!). Черная кепка и темные очки завершали образ.

Непонятное существо припадало к земле, тревожно оглядывалось по сторонам и вело себя крайне подозрительно. Степан присел за машиной и стал наблюдать за манипуляциями незнакомца. Тот явно собирался проникнуть в офис «Сатори». Так и оказалось.

Последний раз оглянувшись, черный человек проскользнул в дверь. Остапов кинулся следом, мысленно ругая нерадивых охранников. Коридор был пуст, и лишь в конце его, там, где находилась лестница, ведущая на верхние этажи, мелькнуло что-то черное. Догнать подозрительную личность удалось только на последнем этаже, когда та попыталась войти в номер к Алевтине. Подобно пантере, Степан собрался и совершил прыжок, сбив с ног воришку. Который при ближайшем рассмотрении оказался постоялицей этого самого номера, то бишь, Веревкиной.

Зажмурившись, она громко и отчаянно завизжала. Степан захлопнул ей рот ладонью и через пару секунд вскрикнул сам, так как Алька, не открывая глаз и не переставая подвизгивать, преобольно его укусила. Он разозлился и резко отдернул руку. Алька дернулась, хрюкнула, опустила голову на пол и затихла.

– Ну все, хватит, вставай, разлеглась тут, – проворчал Степан, поднимаясь с пола.

Алевтина еще немного полежала, потом опасно глянула на агрессора и радостно дрыгнула ногой.

– Это вы! Господи, какое счастье, – закричала она трубным басом, вскакивая и бросаясь на грудь Остапову, который пытался отряхнуть свой костюм от пыли.

Тот схватил ее за локоть и рывком втянул в номер. Оказавшись там, где их никто не может увидеть и услышать, он сильно дернул Веревкину за рукав.

– Алевтина, что это вы себе такое позволяете? – грозный Остапов снова перешел на вы. – Крадетесь как... как злоумышленник. Еще и кусаетесь!

Его глаза метали молнии, он был взбешен, разъярен, разгневан. Алька, хоть и заревела сразу белугой, невольно им залюбовалась.

– Да что же это такое? – в отчаянии обращаясь к небесам, воскликнул Степан. – Что это за истерики? Езжайте домой, и там показывайте свой характер. У нас договор не подписан, работа не доделана, а она черт знает что мне здесь устраивает. Маскарад какой-то!

– Я сейчас успокоюсь и все объясню, – всхлипывая и икая, проблеяла Алевтина.

В ванной она долго высмаркивалась и отплевывалась. Остапов покачал головой. Его главным бичом была отчаянная скука. Он многое бы отдал, чтобы от нее избавиться, но никак не получалось. На заре его занятия бизнесом было, конечно, интересно. Но это было давно. Теперь же его жизнь была абсолютно размерена и удручающе однообразна.

У него была красавица-машина, которую он лелеял, прекрасная квартира, приходящая домработница, которая обеспечивала ему тот порядок, который ему нравился и к которому он привык. У него были красивые, умные, породистые женщины. Причем породу он ценил даже больше, чем красоту.

На тусовки он ходил только если этого не требовали дела, потому что там было тоскливо так, что сводило скулы. Каждое действие тусовщиков можно было предсказать заранее. Он

знал, что эта светская дама страшно скупа, и ходит на вечеринки только для того, чтобы поесть самой и накормить свою псину, которая вместе с ней посещает все мероприятия. Знал, что этот журналист приходит, чтобы попить, причем то, что он пьет на халяву, никак не отражается на доброжелательности его репортажей о вечеринке. Знал, что эта дива сейчас будет пытаться эпатировать публику, совершенно не заботясь о том, что ее отец, депутат-демократ, от стыда за нее переворачивается в гробу. Тошно на душе было после всех этих фуршетов.

Тогда он вступил в закрытый элитарный клуб. Здесь было гораздо интереснее. Можно было посидеть у камина, согревая в руках фужер с коньяком, можно было сыграть в шахматы, обсудить достоинства вин... Здесь было веселее, но все равно не то. Возможно, виной всему были члены клуба, все до единого такие же пресыщенные жизнью люди с очень хорошим достатком, как и сам Остапов.

А вот вчера ему впервые было по-настоящему весело и интересно. Его забавляла провинциальная Веревкина с ее нелепой одеждой и чуть косолапой походкой, с ее словечками и грубоватой непосредственностью. А самое главное – ему было с ней легко, потому что они не воспринимали друг друга как объект. С ней Остапов совершенно расслабился, ведь она не кокетничала. Как это ни странно, не делала на него стойку, не жеманничала, не старалась казаться лучше, чем на самом деле. А как она рассказывала о вине!.. Он давно не видел таких вдохновенных лиц, да и сам уж позабыл, когда был так искренне увлечен делом. Ее дивные глаза светились восторгом и некоторой одержимостью.

Но сейчас она его неприятно поразила – эти слезы, объятья, взволнованный голос...

«Влюбилась», – с тоской подумал Остапов. А он-то, дурак, хотел ей предложить переходить работать к нему.

Из ванны павой выплыла Алевтина и скромно присела на край кровати. Нос у нее распух, глаза покраснели, а мокрая челка разметалась по лбу.

– Мне надо с вами поговорить, – смиренно проговорила она.

Степан ждал, предчувствуя грядущее объяснение в любви.

– Не надо поговорить, зачем поговорить... – заикаясь, и картавя больше, чем обычно, пробормотал он.

– Надо, – с металлом в голосе произнесла Веревкина. – И чем скорее, тем лучше. Садитесь.

Она похлопала по кровати, приглашая Степана сесть рядом с собой. Отчего-то он подчинился и робко присел на край.

Когда Алевтина стала пересказывать свои вчерашние приключения, он от напряжения сначала и не понял, о чем речь. А когда осознал, что никто не собирается ему навязываться и не лезет с признаниями в любви, испытал такое облегчение, что чуть не пустился в пляс. Он расслабился и уселся удобнее:

– Аль, расскажи еще раз и со всеми деталями.

Алька взглянула на него с тоской:

– Да что рассказывать-то, когда вы не слушаете? Вам же пофиг. Понятно, не с вами же это случилось. А кому нужны чужие проблемы? Я вот что вам хочу сказать, Степан Аркадьевич, смываться мне надо и срочно. Так что давайте подпишем договор о поставках вина, да я поеду. А не хотите подписывать, так я тогда прямо сейчас пойду собираться домой.

– Да ты можешь нормально рассказать, что случилось? С чего вдруг такой маскарад? Из твоего невнятного бормотания да причитаний я понял, что ты вчера спяну видела какой-то труп, почему-то в поезде, который на тот момент был в депо. А потом бежала неизвестно где и сколько времени, остановила машину, уснула в ней и остаток ночи провела у подружки. Только понимаешь, с жары, да с похмелья и не такое может привидеться. Успокойся, поспи, выпей кофе, а потом поговорим о делах.

– Да нет же! Это все было на самом деле, ей богу!

– Ну хорошо, – сказал Степан примирительно, – какая это была электричка? Мы разумею, какой поезд тебя вез, ходим туда и попытаемся разобраться, что к чему.

Алька схватила его за руку и затряслась крупной дрожью:

– Я туда ни за что не пойду.

– Хорошо, я пошлю туда своих ребят. На какой электричке ты ехала?

– Не знаю, – прошептала Веревкина. – Я не помню.

– Ну хоть в каком направлении, в какое время?

Алька угрюмо молчала.

– Вот видишь, не помнишь и не знаешь. А билет у тебя сохранился?

– Бес его знает. У меня в сумке много чего есть, может, и билет завалился. А может, я его и потеряла. За мной же эти гнались, ну, с трупом которые, – девушка снова затряслась.

– За тобой гналась целая куча здоровых мужиков, да еще и труп в придачу, – Остапов еле сдерживал улыбку, – и никто тебя не смог догнать. Я от мужиков ушел, я от трупа ушел... Колобок ты наш!

Алька насупилась. Этот холеный красавчик ей не верил. Еще бы! В его размеренной жизни, наполненной только дорогим и красивым, явно не могло приключиться ничего подобного. Ехать в грязном поезде с не очень приятно пахнущими людьми, в пыли... Фу, не комильфо! Теперь он точно не захочет с ней сотрудничать, и плакали ее комиссионные.

Зря все-таки она послушалась Пустозвонову. Та из всего ужаса, который приключился с ее подругой, выцепила только одно – вроде как Алевтине до смерти нужен этот сноб Остапов. Она страшно радовалась и потирала руки, треща без умолку, что мужчина (а тем более такой) может обратить внимание на Веревкину только если она сумеет его заинтересовать.

– Ты что дурная?! – тарахтела Светка. – Ведь ни у кого нет никакущих шансов обратить на себя его внимание. А у тебя есть! Ну не подарок ли жизни это? Такой повод – пальчики оближешь! Если бы его не было, повода в смысле, – дрянь дело, пришлось бы что-нибудь придумать. А так...

Она мечтательно закатила глаза.

– Да с чего ты взяла-то, что он мне нужен? – Алевтине, наконец, удалось прервать поток слов подруги. – У меня земля под ногами горит, а эта дурында только о мужиках и думает.

– Он тебе нужен, потому что я это чувствую. Это раз. Ты уже давно в девках засиделась. Это два. Мужик он – пальчики оближешь. Богатый, опять же, – это три. Он тебе понравился, я по голосу поняла. Это четыре. И, наконец, не одной же тебе выпутываться из этого ужаса. Пять! Он обязательно тебе поможет, потому как он мужчина, ну а ты, соответственно, женщина. А женщинам надо помогать!

– Почему? – тупо спросила Алька.

– Потому что мы слабые! И ты должна быть слабой, беспомощной, чтобы он мог проявить свою мужественность. Да не спорь со мной. Как увидишь его, так сразу на грудь падай, да реви бессильно. Шикарно, конечно, было бы, упали ты в обморок! Но боюсь, что с этим ты не справишься. А как бы ты красиво смотрелась в живописной позе на полу: головка откинута, руки беспомощно вытянуты вдоль тела, юбка слегка приоткрывает колени, ворот распахнулся... – Светка попыталась изобразить картину обморочного соблазнения Остапова.

Алька смотрела на нее, раскрыв рот. Нет, никогда у нее не получится так красиво, как у подруги! Та прошла по комнате, картинно виляя тощеньким задом, потом вскричала: «Ах!» и стала медленно оседать на пол. Перед тем, как окончательно расположиться на ковре, она коленкой откинула край халата, явив миру стройные бедра сорок второго размера.

Светка каждую свободную минуту проводила на своем огороде, который гордо именовала дачей. На шести сотках она умудрялась выращивать массу полезных овощей и фруктов, экономно используя каждую пядь земли. Едва приехав к себе на участок, она обряжалась в «пляжный костюм», состоящий из вылинявшей футболки и черных спортивных штанов.

Если было жарко, она закатывала рукава и штанины и продолжала орудовать тяпкой в таком виде. Этот «купальник» создавал необычный загар. Загорелыми были лицо, шея, руки да икры ног. Выше колена ноги были белоснежными с синеватым отливом. И вот сейчас из-под полы распахнутого халатика и торчало это разноцветное великолепие.

– Свет, мне же надо сматываться. И желательно сегодня, – взмолилась Алевтина.

– Значит, заинтересуешь его до отъезда, – лежа на полу, проговорила Пустозвонова.

Потом они долго примеряли, что бы такое надеть Альке, чтобы ее не узнали преступники. Сама Светка была высокая и тощая, поэтому ее гардероб даже не стали принимать во внимание. Остановились на брюках и свитере мужа Пустозвоновой. Правда, и эти вещи были Алевтине тесноваты – брюки неприлично обтягивали бедра, пуговица на талии не застегивалась, а штанины заканчивались выше щиколоток.

Владимир Пустозвонов был тщедушен и гораздо ниже своей супруги. Очень по этому поводу комплексовал и поэтому ходил, держа спину неестественно прямо. «Как лом проглотил» – говорила ему Светлана. Потом он смастерил себе из газеты подкладки под стельки, делающими его на целых 3 см выше. Эти сантиметры были ему просто необходимы для поддержания чувства собственного достоинства. Но, тем не менее, он и со стельками, и с прямой спиной был на полголовы ниже жены и ее подружки.

Но выход был найден – пояс брюк застегнули на английскую булавку («Заодно и от глаза», – отметила Светка), а низ брюк отпустили и отпарили утюгом. Получилось более-менее.

И вот сегодня Алевтина делает все, как было велено: на груди рыдает, рассказом заинтересовывает – да только Степан не заинтересовывается. Сидит такой красивый и насмешливый, и не верит ни одному ее слову.

– Как бы они меня поймали, когда я так бежала?

– «Гарун бежал быстрее лани...».

– Вспомнила, – с такой силой заорала Веревкина и хлопнула себя по лбу, что Остапов чуть сам не пустился в бега. – Я все вспомнила.

Алька схватила свою сумку, перевернула ее и с яростью стала трясти над кроватью.

– Так вот какую тайну хранят женские сумки! – присвистнул Степан, с радостным удивлением глядя на груды хлама, покинувшие недра Алиной авоськи.

Надкусанная шоколадка, помада, груды бумажек и фантиков всевозможных кондитерских фабрик, капли от насморка, жвачки россыпью, копейки, одна кожаная перчатка, замусоленный детектив Ольги Степновой в мягком переплете – это была малая толика того, что он успел увидеть.

Но, кажется, такой беспорядок не смутил Веревкину. Она выхватила из этого мусора какую-то баночку, с ликованием потрясла ее в воздухе, стряхнула на пол крошки и плюхнулась на кровать.

– Вот смотрите, это доказательство того, что и преступники были, и труп. Эти банки высыпались из коробок, которые они хотели перепрятать. Бандиты тащили коробки, а одна возьми да и порвись. И банки раскатились по всему вагону, а эта подкатилась ко мне. Я ее и схватила специально, чтобы бандиты вместе с этой банкой не обнаружили меня, – Алька без стеснения хвасталась своей сообразительностью и отвагой.

А когда подняла глаза на Остапова, то сразу замолчала. Он сидел, приоткрыв рот, и в ужасе смотрел на то, что показывала ему Алевтина. Понял, что та говорит правду.

– Что-нибудь не так? – шепотом спросила она и тоже посмотрела на пузырек, словно он таил какой-то подвох.

– Да нет, все в порядке, – очнулся Степан. – А что там внутри, ты не смотрела?

– Нет, конечно, когда было смотреть-то?! А вы чего так вытаращились на банку, думаете, там нитроглицерин, который может рвануть?

И Алька, взвизгнув, перекинула банку в руки Остапову. Тот от неожиданности отбросил ее от себя.

С криком «Ложись!» Веревкина рухнула на кровать и погребла под собой Степана. В этот момент дверь в номер распахнулась и в образовавшийся проем влетела горящая пакля.

Остапов вскочил, легко сбросив с себя Алевтину, и принялся сбивать пламя первым, что подвернулось под руку. Это оказался свитер мужа Пустозвоновой. А отдать в таком виде мужнину вещь Светке – это, пожалуй, будет почище пожара. Поэтому Алька, не раздумывая, бросилась вырывать его из рук Остапова.

Но не успела, потому что в ту же минуту в номер внеслась Чушкина. С озверелым лицом она стала трясти огнетушитель, а потом треснула им по стене, выпустив такую же озверелую пену. Пена сначала накрыла Альку, потом Остапова, ничуть не заботясь о том, что источник пожара находится далеко от них. Огнетушитель был новый, только что заправленный, поэтому щедро поливал все, на что его направляла рука обезумевшей Марго.

Степан отбросил свитер в сторону и ринулся на Чушкину. Та визжала и отбивалась, выставив огнетушитель перед собой, как бойцы автомат. Веревкина тоже подбежала к ней и со всего маху саданула ее по голове сумкой, которая попала ей под руку. И пока неприятель разворачивал на нее свое орудие, Остапову удалось нейтрализовать его с помощью захвата за шею. Секретарша сразу обмякла в его руках. Огнетушитель, провернувшись несколько раз вокруг своей оси, издал последний свистящий звук и затих. Пакля догорела, проделав в ковре дырку размером с детскую ладонку. Дотащив обмякшую и от этого ставшую враз тяжелой Чушкину до мокрой кровати, оба с облегчением ее туда и уложили.

– Что это было? – опустошенно спросила Алевтина.

– Это было то, что к нам в фирму «Сатори» затесался человек-тайфун. Человек-недоразумение, Веревкина Алевтина... простите, как вас по батюшке?

– Сигизмундовна, – прошептала ошарашенная Аля.

– Вот, вот, Веревкина Алевтина Сигизмундовна. Поверьте мне, до вашего появления на нашем предприятии за десять лет его существования не случилось и толики того, что произошло за последние сутки.

– Нормально, – протянула Аля, – ну ни фиги себе?! Это я и виновата? А то, что у меня в городе и в фирме тоже за все время ничего подобного не случилось, как за сутки в Москве и в вашем «Сатори», так это не считается?

И она от обиды хлюпнула носом.

– Нет, не считается, – отчеканил Степан. – Потому что у нас это все произошло после того, как появилась ты.

– Вы то тыкаете мне, то выкаете. Это меня сбивает.

– Ну, бог с ним, постараюсь тыкать, Сигизмундовна. Давай найдем эту бандитскую баночку, да вызовем народ порядок навести. Ты даже не представляешь, как нам необходимо, чтобы ты переходила к нам работать.

Остапов взлохматил свои волосы и вдруг расхохотался. Он смеялся долго, с наслаждением, хлопая себя по бокам и приседая.

Алька смотрела-смотрела на него, на погром в номере, на мокрую Чушкину, и сама не выдержала. Сначала прыснула, потом хихикнула, а потом ее смех слился с хохотом Остапова.

В номере мельтешили какие-то люди, вытаскивали пострадавшие вещи, помогали подняться шатающейся Марго, а эти двое все не могли успокоиться.

Глава 6

Марго только под горячим душем смогла успокоить нервную дрожь, бившую ее сегодня целое утро. Влитый в нее мужчиной ее мечты Степаном Аркадьевичем Остаповым фужер коньяка не помог. Ее по-прежнему трясло, мутило, и ей было плохо, очень, очень плохо. Утром, выпорхнув из своей обожаемой «Мазды», как всегда безукоризненно одетая, свежая, несмотря на одуряющую жару, она увидела странную картину. Ее шеф, этот высокомерный фронт, спрятавшись за машиной, следит за бегемотихой Веревкиной, одетой в неровно заколотые обтягивающие мужские брюки и еще что-то такое же черное, отвратительное и пыльное.

Маргарита тоже присела за своей машинкой, наблюдая, что будет дальше. Затем, преодолев в рекордно короткий срок расстояние до офиса, она проскочила туда буквально через минуту после шефа. Его нигде не было видно. Повинуясь шестому чувству, она бросилась на этаж, подавляющее число помещений которого представляло собой мини-гостиницу.

Несколько номеров были отведены партнерам и гостям фирмы «Сатори». Один номер был закреплен лично за Остаповым. Степан был маниакально аккуратен, и в течение дня всегда заходил принять душ и поменять рубашку, невзирая на время года. Если переговоры задерживались, он и ночевать оставался здесь же. Был номер и у Марго. Никаких романов в фирме не завязывалось – слишком выхолащенными были и шеф, и обстановка в коллективе. Так что комнаты служили сугубо рабочим целям, и даже расхожее «поедемте в номера» никто никогда не упоминал.

Каково же было ее удивление, когда у номера провинциальной девицы Маргарита увидела, как та бросилась на грудь Остапову. А тот, совершенно потеряв голову от страсти, (а от чего же еще) втолкнул ее в номер и захлопнул дверь.

Решение действовать созрело мгновенно. Приложив ухо к двери и услышав, как соперница пошла в душ, Марго поняла, что промедление смерти подобно, и ринулась в хозяйственную часть. Пакля лежала на самом видном месте. Недавно завхоз Гаврила Семенович Крошкин, амбал под два метра ростом, устранял протечку в соединении труб, щедро замотав аварийное место паклей, и бросил ее остатки в хозчасти прямо у входа. Больно высок был завхоз, и чтобы полностью зайти в полуподвальное помещение, выделенное под его епархию, ему приходилось сгибаться в три погибели. Поэтому он без необходимости вглубь своей подсобки не заходил и дожидался, пока ему предоставят другое помещение.

Пакля лежала у самого входа, маня своей доступностью. Спички, бензин – все было тоже под рукой.

Когда Чушкина добежала до номера Веревкиной, ей уже казалась слишком невинной та кара, которая была придумана ею для сластолюбцев. Подумать только, ведь она столько лет только в мыслях могла представить себя с шефом. Она прекрасно понимала, что не дотягивает до его женщин, его образа и уровня жизни. Там все было красиво, богато, утонченно. Переговоры вполголоса, ровный шум кондиционера, янтарный коньяк такого-то года, пузатые фужеры, белоснежные манжеты, запонки с бриллиантами... все это делало такой мир завораживающим и недоступным.

И Маргарита готова была с этим смириться, довольствоваться второй ролью и всю жизнь посвятить служению своему боссу и его фирме. Но то, что она увидела сегодня, перевернуло весь ее мир!

Приоткрыв дверь номера, которую в порыве страсти любовники забыли закрыть, Марго услышала крик: «Ложись!» и увидела, как активная бегемотиха накрыла ее шефа своим мощным бюстом. Это решило все. Медлить больше было нельзя. Чушкина подожгла промасленную паклю и вкинула ее в номер. А эти двое даже ничего не заметили!

Следом в дело пошел огнетушитель, с помощью которого секретарша пыталась унять бушевавшее в груди пламя африканской ревности. Потом, по всей видимости, истерика, потому что она не могла остановиться: все поливала и поливала пеной Остапова с Веревкиной.

И вот результатом того, что она не дала им совокупиться, был безумный хохот несостоявшихся любовников. А потом Степан объявил толстухе, что та ему просто необходима.

Затем он бережно довел Марго до ее номера, щедро плеснул в фужер коньяка и заставил выпить. Кажется, он даже не понял, что это она устроила поджог. Наоборот, решил, что она тушила пламя, но была слишком возбуждена, чтобы направлять струи огнетушителя на очаг возгорания. Напоследок приобнял, чмокнул куда-то в затылок, велел принять душ, не брать в голову... и ушел.

А она лежала и думала о том, что ничего не понимает в этой жизни, ну ничегошеньки. Она молода, красива, из более чем приличной семьи, с университетским образованием, беззаветно преданная делу фирмы... И что?! И ничего. Она готова была терпеть рядом с ним любую женщину его круга, а только такие у него и были! Но то, что он выбрал сейчас...

Она столько лет жила с ощущением своей недостойности и сегодня, наконец, увидела «достойную». После безрадостных размышлений Марго решила, что ее любимый Степа – извращенец.

Глава 7

Спустя некоторое время, когда страсти улеглись, и все собрались в кабинете у начальника, Марго стояла с каменным лицом, занеся ручку над блокнотом, всем своим видом демонстрируя покорность судьбе и служебное рвение. Остапов, как всегда, был безукоризнен – он принял душ, переделался, сменил костюм и даже побрился. И сейчас сидел, медленно выдувая вверх такие же безукоризненные струи дыма. Вениамин Петрович Подберезкин развалился в кресле, но заметно нервничал и без конца то снимал, то снова надевал на палец обручальное кольцо.

Ждали Веревкину. И она появилась, вызвав усмешку у Чушкиной и полуулыбку у Остапова. На ней были широкие бриджи и безразмерная туника, делающая ее похожей на гигантскую летучую мышь. Она медленно и с достоинством прошла и села на предложенное ей место. Мужчины, привставшие при ее появлении, снова заняли свои места, Марго подняла руку еще выше, выражая желание записывать каждое слово шефа.

– Я вот по какому поводу пригласил вас всех собраться. Хочу предложить госпоже Алевтине Сигизмундовне Веревкиной работу в «Сатори».

Рука Подберезкина замерла, так и не вернув кольцо на палец, а Маргарита лихорадочно пыталась понять, хорошо это или плохо. Если шеф хочет забрать любовницу к себе поближе – то плохо, если действительно хочет предложить работу – тогда хорошо. Потому что в таком случае романа между ними точно не случится. Остапов не выносит пошлости, а роман с подчиненной – что может быть пошлее?

– И что я буду делать у вас? А в Москве? Да и не отпустят меня с работы-то!

– Подожди, Алевтина, я вот что хочу тебе предложить. Возьми пока отпуск на месяцок и попробуй поработать у нас. Вдруг понравятся и Москва, и «Сатори», и зарплата.

– А что мне делать у вас? Не понимаю. Я умею только спиртное продавать, а вы им не торгуете.

– Сейчас объясню. Присядь, Марго, формальности соблюдем потом. Я, как уже известно собравшимся, являюсь учредителем одного элитного – ну еще бы! – клуба. И хочу заняться поставкой хороших спиртных напитков для членов этого заведения. Можно, конечно, закупить в магазине первые попавшие дорогие бутылки, но это не то. Я слышал от одного из одноклубников, фирма которого как раз и занимается продажей алкоголя, про очень необычного менеджера из города Толчино, которого зовут Алевтина Веревкина. Вениамин Петрович, – Остапов кивнул в его сторону головой. Подберезкин горделиво выпрямился, – собрал все сведения об этом ценном сотруднике, и я этого менеджера пригласил к себе. Результатом остался более чем доволен. И хотел бы, чтобы Алевтина попробовала поработать у нас, вдруг понравится.

– Да что мне делать-то? – взревела Алька.

– Помогать мне с поставками спиртного в клуб. Я хочу добавить в это скучное место праздник. А то, что при помощи Алевтины это удастся, нисколько не сомневаюсь.

– Так ее в штат принимать, что ли? – осторожно спросила Марго.

– Конечно, это будет наш штатный сотрудник.

– Вы бы сначала меня спросили, согласна ли я. А то «без меня меня женили».

– Я думаю, тебе стоит согласиться. Не понравится – вернешься назад. Тем более что я хочу предложить очень неплохую зарплату. Тебе ведь нужны деньги, чтобы воплотить в жизнь свою мечту стать сомелье.

Алька разинула рот от удивления.

– А как вы догадались о моей мечте? – выдохнула она.

Остапов напустил на себя загадочный вид и промолчал, благоразумно решив не упоминать, что эти откровения он получил от Алевтины, когда та была не в совсем трезвом виде.

– А кто такой сомелье? – подал голос молчавший до сих пор Подберезкин.

– Вы что, не знаете? А еще культурный человек, – укоризненно покачала головой Веревкина.

– А я знаю, – подала голос Чушкина, которой очень хотелось обратить на себя внимание. – Это человек, который ответственен за подачу напитков в ресторане. Он дает советы по выбору вин и напитков. В его обязанности, по-моему, входит даже их сервировка. Только зачем об этом мечтать, когда у Алевтины и так, как я понимаю, это получается отлично.

Сказала, чтобы Степан видел, как она объективна.

– Нет, ну что за люди, – в волнении вскопчила Алька. – Ну как я могу быть сомелье, если я этому не училась?! Существуют школы сомелье. Ведь роль такого человека в ресторанном бизнесе огромна. Он решает весь комплекс проблем, связанных с закупками, хранением и продажей вина. При правильной постановке дела обеспечивает до трети, а то и более, выручки ресторана. Это специалист высочайшего уровня. Он должен хорошо разбираться в винах и кухне, быть в курсе событий на рынке вина. Знать, какие факторы влияют на качество вина, безошибочно отличать испорченное вино от здорового, элегантно и правильно его подавать. При этом он должен быть хорошим психологом и уметь общаться с гостями ресторана, предупреждать, а в случае необходимости и разрешать конфликтные ситуации. Определять социальный статус и происхождение гостей, ему приходится угадывать их настроение. Иногда сомелье обязан быстро ловить мысли клиента. К тому же работа сомелье требует отличного чувства юмора и изобретательности.

Для того чтобы предложить набор напитков к заказанным блюдам, у сомелье, как правило, бывает две-три минуты, и излишняя задумчивость может произвести удручающее впечатление на клиента. У сомелье, помимо квалификации, должна быть безупречная репутация, умение скромно, но с достоинством держать себя. Производить впечатление в высшей степени компетентного специалиста: в спорах, связанных с вином, слово сомелье должно быть решающим.

Еще в обязанности сомелье, как правило, входит составление винной карты и поддержание в соответствии с ней запаса вин в ресторане. В случае если у заведения есть винный погреб, сомелье берет на себя заботу о нем. Он часто бывает ответственным за закупку вин или, как минимум, участвует в обсуждении заказываемых партий...

– Господи, Алевтина, когда вы говорите о вине, то становитесь даже привлекательной, – отпустил неуклюжий комплимент Вениамин Петрович, но Аля этого не заметила.

– А вы знаете, что сказал о вине великий Омар Хайям? – она снова села на своего конька:

«Вино не только друг – вино мудрец;

С ним разногласьям, ересям – конец!

Вино – алхимик: превращает разом

В пыль золотую жизненный свинец».

– А разве Фейербах плохо сказал? – не унималась Веревкина. – «Жизнью следует наслаждаться как превосходным вином, глоток за глотком, с передышкой. Даже лучшее вино теряет для нас всякую прелесть, мы перестаем его ценить, когда пьем как воду».

Сказала она, сверкая глазами.

– Все, все, сдаемся, – засмеялся, выставив перед собой руки, Остапов, и, повернувшись к Чушкиной и Подберезкину, спросил:

– Ну, теперь поняли, что я имел в виду?

Те огорошено кивнули.

Глава 8

Совещание длилось еще около часа. Наконец все вопросы были улажены. Решающим аргументом, безусловно, послужила сумма, названная Алевтине в качестве зарплаты. Она бегом принеслась в свой номер, чтобы собрать вещи, съездить в Толчино и урегулировать все дела, связанные с отпуском, в который она собиралась уйти прямо с понедельника.

Быстро набрала номер телефона Пустозвоновой.

– Светка, привет! Тут такие новости! Мне Остапов предложил у него работать.

Больше ничего Алевтина сказать не успела, потому что ее дальнейшие попытки вставить хоть слово были погребены под лавиной восторгов подруги.

– А я тебе что говорила? Он заинтересовался, я же мужиков знаю, как облупленных. Главное, нужна была интрига, а она у тебя еще какая! Ты – беззащитная девушка, тебя разыскивает мафия, ты вынуждена прятаться и искать защиты у сильного мужчины, то бишь у этого твоего Остапова. А кто же не захочет быть сильным мужчиной? Опять же обморок... Ты падала в обморок, как я тебя учила?

И не дожидаясь ответа, Светка принялась стрекотать дальше. Минут пятнадцать не умолкала ее восторженный монолог, пока на очередном вздохе подруги Альке не удалось прервать это словоблудие.

– Ты меня разоришь на звонках. Я еду в Толчино, беру отпуск, если отпустят. Если нет, придется брать за свой счет. Но это все фигня, мне Степан Аркадьевич такую зарплату предложил... И, главное, работа похожа на работу сомелье. А еще он мне пообещал, если все будет хорошо, оплатить учебу в школе сомелье, – домечтала Алька не успела, потому что ее сбивчивую речь прервал вопль Светки.

– Быстро включай телик на ТВЦ. Там покойник!

– Ну и что ты кричишь, не привыкла, что по несколько раз в день, на какой канал не переключи, показывают трупы? И всамделишные, и придуманные в фильмах. По всем каналам то «Менты», то «Ментовские войны», то «Глухарь», то «Глухарь-2, 3» и т. д. И ты тут еще орешь, как оглашенная, – развозмущалась Алька.

Поняв, что Светка слишком долго не произносит ни звука, примолкла и она, а потом осторожно протянула:

– Э, подруга, ты чего молчишь-то, ты сама живая?

Но она беспокоилась зря, через несколько секунд Пустозвонова разразилась очередной тирадой:

– Ты что, совсем голову со своим Остаповым потеряла? Это же твой покойник! Ну, в смысле не совсем твой, а тот, которого ты в поезде нашла. Ну, не нашла, но застучала, когда его волокли из вагона. Это же элементарно! Ты что, уже забыла, что тебе угрожает смертельная опасность?

Светка тараторила безостановочно, не давая ответить на свои вопросы.

Алька, слушая ее трескотню, постепенно превращалась в соляной столп. Перед глазами всплыла картинка ее ночного приключения. Она снова ощутила себя дичью, за которой неслись убийцы, и ее в который раз охватила паника. Но девушка решила не поддаваться.

– Откуда ты знаешь, что это мой покойник? – с бравадой в голосе наскочила она на подругу. – Вот я не знаю, милиция не знает, ФБР не знает, Интерпол не знает... никто не знает, а Светлана Иосифовна Пустозвонова в курсе. Вот что ты мелешь-то?

– Это я мелю? – сорвался на визг голос собеседницы. – Его, то бишь, труп, где нашли?! Около конечной остановки электрички, на которой ты ехала ко мне. Значит, те бандиты из поезда труп этот убили, потом дождались, пока все пассажиры выйдут из вагона, электричка заедет в ихнее депо, и хотели жмурика спрятать. А тут ты как сиганешь, и поперлась с криками,

они решили, что ты понеслась в мили..., т.е. в полицию, и не успели спрятать покойничий труп, и там недалеко его и кинули.

Алька снова заколотило, она понимала, что Светка, скорее всего, права, но сдаваться не собиралась:

– Ой, а то ты знаешь, в каком депо я проснулась. На чем я ехала? Я не знаю, мили..., полиция не знает, ФБР не знает, Интерпол не знает, а Светлана Иосифовна Пустозвонова знает.

– Я знаю. Потому что ты мне билет на электричку показывала. Он был до Зюкино, ты хоть и пьяная была, а билет до моей дачной станции купила. А потом тебя развезло, ты уснула и проехала нужную остановку. И доехала до депо. А конечная перед этим депо называется Пегово. А труп нашли недалеко от Пегова. Усекла?

– Ничего и не усекла, – продолжала зачем-то упрямяться Веревкина. – Во-первых, это может другой труп в Пегово, мало ли трупов может быть. А во-вторых, билет-то я купила правильный, а вот в какую электричку меня с ним занесло, неизвестно. Контролера не было, ну или был, я не помню. Но меня же никто не высаживал. А значит, я могла ехать куда угодно.

– Ты все сказала? – с металлом в голосе спросила Светка. – Ну так слушай сюда, подруга. Это покойник твой, и точка. Ты сейчас едешь в свое Толчино, собираешь манатки, возвращаешься, и мы беремся за расследование.

– Зачем? – неожиданно тонким голоском проблеяла Алька.

– А затем, чтобы тебя не они первые нашли и укокошили, а мы их разыскали. И сдали их в полицию. Нам за это могут дать премию, а могут показать по телевизору, как сознательных гражданок. А это знаешь, какая реклама для моего бизнеса?! Я сразу столько дистрибьюторов под себя подпишу... – протянула Светлана мечтательно.

До недавнего времени Пустозвонова работала диспетчером в небольшой таксомоторной компании «Черные стрижи». Но, к сожалению, они не смогли выдержать конкуренции с открывшимися в городе онлайн-диспетчерскими. Объединяя частных, они предлагали солидный автопарк и низкие цены. А у «стрижей» все машины были лизинговые, поэтому поездка на них по определению не могла быть дешевой.

Став безработной, Светлана недолго горевала. И через некоторое время стала счастливым членом команды сетевого бизнеса.

Она с упоением искала покупателей на пищевые добавки «Доктор Вит»¹, а так же потенциальных дистрибьюторов, готовых заняться распространением товара. Надо сказать, что со Светиным напором и целеустремленностью дела у нее шли совсем неплохо.

– Да иди ты! Мне все это не надо. Я только хочу, чтобы меня не трогали. Не хочу я лезть в это дело. Вон у меня появилась работа почти сомелье, зарплата хорошая, Москва... А ты – «расследование». Убьют меня такую молодую, успешную... – и Алька заревела.

– Да, – язвительным голосом проговорила Светка, – нам, как всегда, все пофиг, а Остоповы, значит, пусть другим достаются. То есть тем девушкам, которые вызывают интерес. А кто больше всего вызывает интерес?

Светка сделала эффектную паузу и продолжила:

– Те, кого показывают по телевизору.

– А сама сказала, что мужчины любят беззащитных, – проворчала сквозь слезы Алька. – Ничего себе беззащитная: захватила и сдала полиции одна трех мужиков.

– Во-первых, не одна, а с подругой. А во-вторых, мы их не силой будем брать, а умом и женским обаянием. Чувствуешь разницу? Поэтому после Толчино сразу ко мне. Будем добавлять тебе обаяния.

– Ну, блин, – протянула Алька, – не хочу я никакого обаяния добавлять. Себе лучше добавь, а мне и так хорошо.

¹ Пищевых добавок с таким названием не существует.

Следующие десять минут Светка стыдила Альку за нежелание быть женственной, обаятельной, привлекательной, кокетливой, желанной, изысканной, загадочной, волоокой, ироничной, недоступной, искрометной и нежной.

– А мне, между прочим, обаяния добавлять не надо, своего хоть отбавляй. Меня муж, к твоему сведению, так и называет «Обойма моя».

– Ой, можно подумать! – протянула Алька. – Обойма – это не от слова обаятельная, а от того, что ты трещишь, как пулемет. Ну все, пока, завтра буду назад.

И она быстро положила трубку.

Разговор с подругой Алевтину несколько расстроил. Находясь в эйфории от перспективы новой интересной работы, да еще и рядом со Степаном Остаповым, Алька уже подзабыла о своем детективном приключении. Сейчас же перед глазами снова возникли зловещие картинки: звуки волочения тела, она, лежащая под лавкой, стук рассыпавшихся банок и побег от бандитов. Снова стало страшно, и хотя преступники вряд ли в темноте ее разглядели, Веревкина решила не рисковать и опять изменить свою внешность.

Как-то в детстве, когда мама была еще жива, на один из новогодних утренников она нарядила дочь в индианку, в довершение образа нарисовала у нее на лбу точку и сказала, что та называется «бинди». Немного поразмыслив, Аля надумала и на сей раз выбрать для себя образ индийской девушки.

А так как ваять стиль пришлось из подручных средств, то и результат был соответствующий.

Во-первых, она нарисовала на лбу большую черную точку.

Затем необходимо было откорректировать цвет кожи. В ход пошел тональный крем с распродажи, который в прошлом году ей отдала секретарша из «Бахуса». В баночке крем выглядел натуральным, телесного тона, но при взаимодействии с кожей дал темно-желтый оттенок. Зная, что Алька ничего не выбрасывает, как все думали, по причине скупости, секретарша и подарила ей этот распродажный крем.

– Эй, Алевтина, я тут тоналик собралась выкинуть, тебе он случайно не нужен? – спросила бахусовская секретарша и презрительно скривила губки.

– Нужен, конечно, – обрадовалась Алька. – Спасибо.

И прижала баночку с кремом к груди. Народ вокруг радостно заржал.

– Отдай немедленно назад, – прошипел Ванька Огурцов. – Что ты все, как Плюшкин, тянешь и тянешь себе? Они над тобой смеются, хотя не стоят твоего мизинца. Зачем тебе это барахло нужно? Тебе вообще никакие макияжи не нужны, вон щеки какие красные!

Он взглянул на Алю и сам немедленно покраснел.

– Что ты, Ванечка, – Алька сделала большие глаза, – как же я верну, если мне тоналка позарез нужна?! Сама же я не куплю, ты ведь знаешь мою ситуацию. А они пусть ржут, не плачут же.

Ее ситуацию Огурцов знал хорошо. Алевтина была на свете одна как перст. Родителей своих она помнила плохо – они умерли как-то один за другим, когда ей было семь лет. Воспитывала ее сестра отца, тетка Аглая, а сиротский хлеб очень несладок. Долгое время Аля пыталась оправдать жестокость тетки тем, что той тяжело, у нее не складывается личная жизнь, и мужики в доме не задерживаются.

Тетка во всем винила сироту, говорила, что мужчины от нее, Аглаи, бегут, потому что она с довеском в виде Альки. Та терзалась, комплексовала, старалась быть незаметной в доме, втягивала голову в плечи. И когда к Аглае заходил очередной ухажер с бутылкой беленькой, племянница мышкой шмыгала за дверь и убегала на чердак. Там была каморка, в которой бедный ребенок сидел, пока не хлопала дверь квартиры, и теткин избранник не уходил. Тогда она тихонько просачивалась в дом. Аглая в это время обычно сидела пьяненькая, расхристанная, пела жалостливые песни и плакала.

Если удавалось войти незамеченной, вечер можно было считать удавшимся. Аля быстро ложилась в постель, крепко закрывала глаза и ждала, пока тетушка захрапит. Если тихонько прокрасться не удавалось, то Аглая всю свою ненависть за неудавшуюся личную жизнь срывала на сироте. А рука у тетки была тяжелой, разборки заканчивались далеко за полночь.

Признаком того, что экзекуция заканчивается, был крик Аглаи: «Да за что же мне такое наказание-е-е-е?! У всех дети как дети, а у меня – ирод какой-то, да еще и не родной. Ой, горюшко-то горькое-е-е-е. Сидит злыдня неблагодарная-я-я. Вот сдам в детдом, будешь тогда Аглаю вспоминать, да поздно будет...»

Аля кричала, просила не отдавать ее в приют, и тетка сменив гнев на милость, отсылала ее спать и засыпала сама.

Однажды к ним по жалобе соседей пришла какая-то комиссия. После этого тетка на некоторое время притихла и даже нашла себе мужчину. Это был чернявенький юркий мужичок—гастарбайтер из Молдавии.

С появлением дяди Михая для Али началась счастливая жизнь, которая продолжалась целых два года. Михай девочку очень любил и баловал. Он сразу сказал Аглае, что у него в Молдавии осталась семья: жена, две дочери и сын. Он тяжело работал, большую часть полученных денег отсылал на родину, остальные отдавал Аглае, но у него всегда оставались деньги, чтобы и Альку побаловать. При Михе и тетка присмирела, пару раз даже погладила Алю по голове.

Иногда по вечерам Михай садился к Але на кровать и начинал рассказывать ей про свою родину, про то, как чисто у него в доме, как вкусно готовит его жена, какой зреет на склонах гор виноград. Как он наливаясь цветом, наполняется вкусом, терпкостью, запахом. Он так рассказывал про вино, что интереснее этих рассказов для Али не было ничего на свете.

Потом Михай уехал, и стало совсем невыносимо.

Долго Аля не могла понять, почему тетка не сдала ее в детский дом. И только потом узнала, что та раньше жила в глухой деревне. А смерть брата дала ей возможность приехать в город и на правах опекуны захватить все имущество Веревкиных. Нет, квартиру она, конечно, продать не могла, но от золота, мебели, посуды Але ничего не досталось.

Как только Алька отпраздновала свое совершеннолетие, родительскую квартиру они с теткой разменяли на две отдельные. Тетка хотела выделить ей жилье на окраине, но Алька неожиданно «встала на дыбы». И той ничего не оставалось, кроме как поселить племянницу в симпатичной однушке в самом центре города. Сама же Аглая купила двухкомнатную квартиру сталинской постройки, за которую ей еще пришлось доплатить, продав дачу Алиных родителей. Алька была так рада отделиться от тетки, что не стала возражать ни против дачи, ни против машины, тоже проданной теткой «на мебель».

Прошло несколько безмятежных лет, в течение которых Алевтина с Аглаей больше не пересекались. И вот однажды Альке позвонила какая-то женщина и сообщила, что «...родная тетья, у которой нет ни кола, ни двора, проживает в доме престарелых, а зажавшаяся племянница ни разу ее не навестила. Воспитала ее, свинью неблагодарную, личную жизнь из-за этого не устроила, а на старости лет Аглаюшке некому стакан воды подать».

Несколько дней после звонка Алька мучилась, потому что понимала, что ехать к тетке надо. Но как только вспоминала свою прошлую жизнь с ней, понимала, что жалости не чувствует и ехать не хочет. В конце концов, победило чувство долга. Собрав кое-какие гостинцы, которые, по ее мнению, носят в такие заведения, девушка скрепя сердце отправилась в дом престарелых «Второе дыхание», в котором на данный момент проживала Аглая.

Хотя сострадания к тетке в сердце Алевтины не было, вид этого богоугодного заведения произвел на нее гнетущее впечатление. И сама тетка, жалкая, в застиранном фланелевом халате, чувства ненависти уже не вызывала. Как оказалось, квартиру оттяпал у Аглаи какой-то из ее очередных кавалеров. «Вот до чего я дожила. В молодости из-за тебя замуж не вышла,

а в старости от тебя благодарности-то и не получила. Я, значит, в пансионате, а ты в хоромах живешь», – загундосила тетка.

Аля сразу вспомнила годы жизни с ней, и зародившиеся было ростки жалости к тетке оказались погребены под гнетом этих воспоминаний. Но все же вид заведения, да еще и благодарность, что тетка в свое время все-таки не сдала ее в приют, привели к тому, что Аля каждый месяц стала высылать тетке деньги. Правда, не бог весть какие, но эти выплаты пробивали солидную брешь в ее бюджете.

Поэтому с деньгами у нее было постоянно туго, хватало только на оплату коммунальных платежей да на еду. Огурцов отлично знал об этом, а сам ругал Алевтину за то, что она взяла тональный крем у секретарши, который та все равно бы выкинула.

И вот теперь кремушек пригодился. Алька щедро намазала им лицо. Основной проблемой при накладывании тонального крема стала «бинди» – точка в середине лба. Она мешала ровному наложению тона на лицо. Но попыхтев, Аля с этой проблемой справилась – косметической палочкой осторожно обвела крем вокруг точки. Получилось не совсем ровно, но Алевтина решила не заморачиваться. Гораздо важнее было подобрать соответствующий наряд.

И эта проблема вскоре была решена. На голову новоявленная индианка приспособила парео: оно не только прикрыло голову, но и решило проблему белой шеи, на которую Аля пожалела крема. Затем она надела футболку, а роль сари сыграла занавеска, снятая с окна номера. А так как штора оказалась немного коротковатой, то решено было на ноги надеть не кроссовки, а вьетнамки – и образ готов.

Алька придирчиво оглядела себя в зеркале и осталась довольна. Немного выбивались из образа руки – они были белые, но переводить на них тональный крем, которым Аля иногда замазывала невесть откуда взявшиеся прыщики, она посчитала кощунством. Тем более, решила она, преступники будут смотреть в лица женщинам, а не на их руки. Довольная результатом она набросила на одно плечо рюкзак и вышла из номера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.